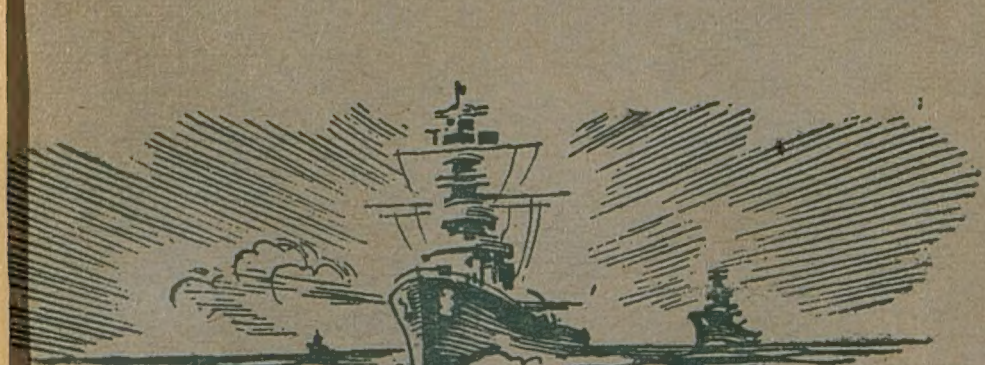
B101 —— 983

101783

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

БАСТИОН



ВОЕНМОРИЗДАТ
1942

Смерть немецким оккупантам!

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

А. ШТЕЙН

3101 783

БАСТИОН

рассказы

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1942

Содержание

Отпуск . . . . . .
О героях . . . . . .
Возвращение . . . . . .
Письмо на корабль . . . . . .
Аллея Лицеистов . . . . . .
Бастион . . . . . .

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
761748

Отпуск

После непрестанных тридцатидвухдневных оев батальон морской пехоты отвели на отдых деревню Сычовка, что притулилась у замерз-ей речки за высокой, занесенной снегом орой с колокольней на макушке.

Радушные хозяйки с полудня натопили бани, оряки шли туда гурьбой, с вениками, с мо-алками, со свертками только что простиран-ого, еще не успевшего хорошенько просох-уть белья. Всего за несколько километров ремел бой, где-то невдалеке рвались снаряды, ажело била наша артиллерия, в интервалах ежду выстрелами тишина доносила отчетли-ую дробь пулеметов, а тут, за горой, казалось, ичто не поколебало мирной, налаженной и акатанной веками жизни. Лепили снежную абу ребятишки в отцовских валенках, девочки коромыслами шли по воду к стоявшему у рая дороги журавлю, вились дымки из печных руб, даже два ветхих старичка с пышными ородами, как полагается, сидели на крылечке.

Моряки забирались в черные бани, брыз-али из ушатов студеной водой на раскаленные амни, низенькие помещеньица застилал пар,

моряки кряхтели блаженно, стегали себя а
куратно нарезанными вениками, чуть не д
крови терли спины друг дружке, а потом, в че
мать родила, вываливались на снег и сно
возвращались в донельзя натопленные ба

Хорошо!

Распаренный, разрумянившийся Марки
командир взвода разведчиков, краснофлот
из запаса, недавно произведенный в лейтена
ты, сидел в теплой, прибранной, просторной
бе и, наслаждаясь, допивал четвертую круж
чая, когда вошел политрук роты Смирнов.

— Приятного аппетита, — сказал Смирно
отряхивая метелкой снег с валенок. — Завт
можете ехать, товарищ Маркин. А можете и
ехать, хотя я бы съездил на вашем месте.

Маркин вопросительно взглянул на поли
рука.

— В Ленинград поедете, — сказал поли
рук. — Поскольку нам известно, что у вас т
семья и поскольку вы отличились в боях —
едете в отпуск на четыре дня, пока батальо
на отдыхе. Ясно?

— Да я не просился,— смущенно сказ
Маркин.

— А мы не тех посылаем, кто просится
усмехнувшись, ответил Смирнов.

И политрук, присев на край скамьи, иско
поглядывая на Маркина, стал рассказыва
хозяевам о том, какой рисковой и даже от
янный этот широкоплечий лейтенант, и как

ловко тащил из немецких траншей «языка», и как он вынес из огня раненого майора, и что даже среди известных балтийских разведчиков Маркин отличается особенной храбростью...

А Маркин сидел, уткнувшись носом в кружку дымящегося чая, и делал вид, что рассказ идет о каком-то другом, малознакомом ему человеке, хотя ему было весьма лестно слушать все, что говорил политрук, и лестно было слушать аханье хозяев.

— А зазна́етесь, товарищ Маркин, — сказал политрук, поднимаясь со скамьи, — быстро мы вас урезоним, на это у нас есть свои средства...

Маркин не видел своих уже свыше полугода. Он был близко от Ленинграда, переживал его тяжелые дни, когда, казалось, ничто не может противостоять стальной лавине танков со свастикой, катившейся на город. Долгие месяцы стоял он на переднем крае обороны города. Он успел за эти месяцы узнать и разочарование поражений и сладость атак. С детства родной для него Ленинград стал за эти месяцы еще ближе, еще роднее...

Вот уже два месяца ничего не получал Маркин от своих, каждый раз при случае наведывался в военно-морскую почту — нет, ничего... Как-то они там? Как Вовка, вихрастый четырехлетний драчун, как Наташка, глупая круглая Наташка, которой он перед войной купил

пушистого плюшевого мишку, и девчон
укладывалась спать, если ей совали под п
душку игрушечного медвежонка... А жен
бедная, мучается, верно, изрядно — трудновато
нынче в Ленинграде, ох, трудновато! И старо
ки — живы ли они, ворчливые, милые ленин
градские старики... Сколько раз думалося
Маркину там, в тылу у немца, когда станов
лось жарко, чертовски жарко, — доведется
приподнять свою глупую Наташку на руки,
подкинуть высоко, высоко, до потолка, да
дергать за вихор Вовку, да перекинуться ла
ковым словечком с женой. Нет, жив, целех
нек, невредим — хоть бы малая царапина д
смеху. Видать, везучим родился Маркин, тьф
тьфу, не сглазить...

Маркин еще долго сидел, чаевничал с хозя
евами и все рассказывал им про ребят разно
смешное, и про жену — как они с нею ссоря
ся по три раза на день, а мирятся по четы
раза, и про стариков — как собрался бать
его на второй день войны в добровольцы,
как ему отказали в райвоенкомате, и к
старик письмо Жданову написал и все рав
ничего из этого не вышло — батьке-то ведь
шестой десяток... И взял Маркин слово, чес
ное слово с радушных хозяев своих — вот ко
чится война, непременно приедут они к не
в Ленинград, на Васильевский; жена у него
мастерица насчет блинов и насчет закуски,
выпьют они все вместе, и вспомнят про вой

ребят маркинских поглядят — ничего, до-
льно удачные растут ребятишки...
Они поговорили еще о «нем», о «его» под-
сти, о том, как «он» запалил всю округу и
лько крохотная Сычовка чудом каким-то
елела в этом дыму пожарищ, расстилавшем-
на десятки и сотни километров.
— Ничего, хозяева, — сказал напоследок
аркин, — за все «он» свое получит сполна и,
к сказать, с избытком. Можете быть спокой-
, даю вам в этом слово балтийского моряка.
моряки, да будет вам известно, слов на ве-
ер не швыряют...
Утро выдалось солнечное, морозное, искрил-
нетронутый снег, сучья потрескивали в ле-
, и этот славный денек показался Маркину
дивительно радостным, полным какого-то
собого, ему, Маркину, известного смысла.
асвистывая, зашел Маркин в продчасть, по-
учил сухой паек, заботливо уложил в веще-
ой мешок копченую смерзшуюся колбасу, су-
ул туда же воблу, сало, несколько пачек кон-
ентратов — вот сварит жена ребятам отмен-
ый борщ, сложил плотные, аппетитные ржа-
ые сухари.
— Не куда-нибудь везу, — сказал он угрю-
ому кладовщику, — в Ленинград, ребятам.
емья, товарищ продснабжение, это великое
ело...
Кладовщик неопределенно что-то промычал,
Маркину показалось, что кладовщик ему

чуть-чуть завидует — ведь у него нет так
отличных ребят, и не ждет его в Ленингра
такая верная, преданная жена, да и вооб
не дают ему отпуска в Ленинград. Но Мар
ну нынче хотелось, чтобы у всех было так
же настроение, как и у него, и он креп
хлопнул кладовщика по спине.

— Ничего, продснабжение, будешь хоро
работать — дадут и тебе отпуск. Только
воруй — а то повесим за усы...

Из продчасти Маркин пошел в лесок,
стояли замаскированные, измазанные мел
трехтонки, узнал про попутную машину и
же поделился с знакомыми шоферами сво
новостью. И Маркину показалось, что шофе
очень обрадовались его новости, будто
они, а не Маркин, отправляются в Ленингра
на свиданье с близкими после многомесячн
разлуки.

Через два часа трехтонка, урча и прова
ваясь в сугробистом снегу, мчалась сквозь
са и перелески к заливу, уже отдаленней и
даленней ухали пушки, и Маркин, покор
трясясь в кабинке, перекрикивая шум мото
гудел в ухо шофера:

— А ребятишки у меня ничего — довол
удачные ребятишки растут. Тяжело, понят
им в Ленинграде — выживут, крепкая кров
А после войны, живы будем, — приходи б
ко мне на блины. А живу я на Васильевск

ле самого Дома культуры. Поедим, брат, тобой блинов да двинем в оперетту.

И шофер, привычно покручивая на ухабах баранку, кивал головой и, усмехаясь, поглядывал на Маркина, и солнце сияло, заливая светом верхушки придорожных березок, и особенно чудесной казалась чистая, морозная русская зима.

Дорога шла через пустынный залив, через Кронштадт, город-крепость, где по каменным плитам молчаливо вышагивали матросские патрули; потом снова машина выехала на лед, снова вошла в занесенный снегом лес, и снова солнце золотило верхушки деревьев, и снова приятно хрустели ели под нависшими лопьями, и шофер весело чертыхался, разъезжаясь с встречными шоферами. И Маркин с удовольствием следил, как быстро скользили по краям дороги краснолицые лыжники-моряки, и густой пар шел у них изо ртов, и из-за плеча солидно выглядывали автоматы.

«Ничего вооружены ребята, — подумал Маркин. — И мне бы еще парочку таких курантов не помешало бы... Вместо Григорьева Машутко...»

Он помрачнел, вспомнив о своих двух разведчиках, неделю назад погибших в ночном налете на занятую немцами деревню, и стал думать о своем взводе, о том, как кстати пришелся этот отпуск — очень устали ребята, отдохнут, помоются, прогреются...

Они въехали в город, когда еще бы
светло.

Как преобразился Ленинград с той пор
как Маркин покинул его тревожной тем
летней ночью! Корабли вели огонь с Нев
на окраинах то и дело попадались баррикад
блиндажи, траншеи, редко ходили трамва
дома стояли темные, суровые, с окнами,
глухо заколоченными дощатыми щитами.
тротуарам шли взрослые люди, волоча за
бою детские салазки, в садах и парках об
чались бойцы всеобуча, на улице ясно вид
были следы разрушений от многократных в
душных бомбардировок.

Щемящее чувство охватило Маркина.
вспомнил про вчерашний разговор у хозяев
Сычовке. Вот что «он» сделал с город
будь «он» трижды проклят! Ничего не забы
все припомнить...

Маркин остановил машину и, легко взвал
за спину вещевой мешок, двинулся по знак
мым линиям Васильевского острова.

Только начинало темнеть, когда Маркин
дошел к своему дому. Прошел под знакомы
воротами, вышел во второй двор и, подн
вверх голову, застыл, внезапно похолодев.

Дома не было.

Не было его дома, его квартиры, в котор
он оставил всех близких ему людей.

Маркин попробовал шевельнуться и не м
Попробовал сказать что-то вслух и не мог в

оворить слова. Сердце его перестало стучать. Впервые за всю войну он вдруг ощутил дикую, нечеловеческую усталость.

Погибли? Неужели погибли все его близкие, родные, любимые люди? Нет, не может этого быть! Он снова всмотрелся в груду развалин, возвышавших перед ним, увидел будто срезанную бритвой наружную стену, открывшую разрез большого пятиэтажного дома. Он увидел свою квартиру, вернее, развалины своей квартиры на пятом этаже, и уцелевший шкаф, и детскую кроватку, и мишку, того самого плюшевого медвежонка, без которого Наташа не ложилась спать. Тоска сжала его сердце. Он рванулся назад, поднялся на второй этаж, где жил управляющий домом, изо всех сил дернул ручку звонка. Ему не открывали, вероятно, не больше минуты, но он дергал, дергал, снова дергал за ручку. Управляющий узнал Маркина и, ничего не сказав, впустил его в коридор.

— Живы? — только и мог спросить Маркин.

Управляющий отрицательно качнул головой.

— Все? — задыхаясь, спросил Маркин.

Управляющий кивнул головой.

— Чай пили, — совсем тихо сказал он.

Помолчали.

— Акт я составил, — сказал управляющий домом.

Маркин ничего не сказал. Управляющий хотел еще что-то добавить, но глянул на Мар-

кина и только махнул рукой. Еще минута п
шла. Управляющий покашлял.

— Вы не убивайтесь, товарищ Маркин. В
ведь сволочи что делают, такие семьи руша

Маркин, будто очнувшись, встал и медл
но пошел к выходу.

...Он еще успел застать машину, с котор
приехал в Ленинград. Шофер ручкой завод
успевший замерзнуть на холоду мотор. М
кин молча влез в кабинку и, ничего не объ
няя, поехал в обратный путь.

У конца дороги, когда уже занимался р
свет, их встретило большое зарево.

— Не Сычовка ли наша горит? — спро
шофер, вглядываясь в даль.

Маркин ничего не сказал.

Да, горела Сычовка. Языки пламени лиза
притулившуюся за горой деревушку, и ч
ближе подъезжала машина, тем больше раз
ралось пламя.

— Налетели, видно, сволочи, — сказал ш
фер, и опять ничего не ответил Маркин.

Машина уже не застала батальона в дер
не. Ночью немцы пошли в контратаку, и б
тальон двинулся на огневой рубеж, на помо
оборонявшейся роте. На машине Маркин д
гнал свою часть, явился к командиру, официа
ным голосом отрапортовал о прибытии в час

— Что так быстро? — спросил командир

Маркин ничего не ответил. Командир у
вился, но ничего не сказал.

— Будут ли задания, товарищ капитан? — едленно спросил Маркин.

Командир посмотрел на Маркина.

— Будут, — сказал он и подошел к двухерстке.

— Здесь, — капитан ткнул пальцем в очерченное синим карандашом место на карте, — штаб полка СС. В третьей избе слева, если тти по главной улице от нас. Возьмете документы, истребите сколько можете, запалите ом, если можно, прихватите «языка». Ясно?

— Ясно, — сказал Маркин. — Только разрешите «языка» на этот раз не брать...

Капитан очень внимательно посмотрел на Маркина и медленно кивнул головой.

— Ясно, — сказал он.

О героях

Погода выдалась отменно дрянная, и командование отложило налет на морские базы врага до следующего дня. Кряхтя и чертыхаясь, летчики рассаживались в измазанные белой краской пикапы, уже дежурившие у края укатанного снежного поля аэродрома.

Обидно, уже настроившись на рискованный и потому особенно увлекательный полет, проторчать без толку три с половиной часа на пронизывающем ледяном ветру, вглядываясь в мутный горизонт, и потом снова подпрыги-

вать на знакомых ухабах, сердито совать па
рулю у перекрестка документы, вылезать
огромных комбинезонов, сушить у печки мо
натые унты....

Но так радушно, широко улыбаясь, встреч
ла летчиков гостеприимная Антонина Васил
евна, жена погибшего в финскую войну кап
тана Огнева, заведывавшая теперь домом о
дыха, так лукаво поглядывала на них, став
поднос с дымящимися тарелками супа, белок
рая Катюша, так уютно потрескивали дрова
печке, что хмурь быстро развеялась и все р
совалось уж не в столь мрачном свете, ка
еще полчаса назад. В конце концов проти
природы не попрешь, муть есть муть, а что к
сается фашистских кораблей, то они крепк
впаяны в балтийский лед и никуда не уйдут
приготовленной для них доброй порции ог
и металла.

И уже разошлись морщинки на смуглом л
це Вихорева, и неугомонный Махотцев сзыва
охотников забить козла, и забренчал на роял
одним пальцем майор Порфирьев, подбирая м
тив полюбившейся ему песенки про скромнен
кий синий платочек...

А после обеда летчики сидели у печки, п
глядывали на веселый огонек, гадали, кака
будет погода на завтра, ругали, как всегд
метеорологов, уговаривались просить команд
вание разрешения лететь с утра при любой п
годе.

Здесь, у огня, сидели люди, за головы которых дорого бы дали фашистские генералы. Их бомбоудары, безукоризненно точные, предельно смелые, стоили немцам не одну сотню тысячу солдат, не один десяток танков, автомашин, кораблей. Эти бомбоудары стали предметом изучения в авиационных училищах тыла, готовящих резервы советских летчиков.

К вечеру в дом отдыха приехали военные корреспонденты. Они сказали, что хотят занять летчиков, побеседовать о предстоящем полете, узнать о наиболее выдающихся подвигах людей прославленной авиачасти.

Летчики потеснились у печки, давая место приезжим, учтиво кивали головами, соглашаясь с корреспондентами, но отвечали на вопросы с видимой неохотой и старательно переадресовывали вопросы товарищам. Те в свою очередь учтиво кивали головами, но так же упорно называли имена других, как назло отсутствующих сейчас летчиков, о которых следовало бы написать уважаемым журналистам. Словом, беседа не клеилась, и военные корреспонденты сидели с кислыми лицами, уныло постукивая карандашиками по пустым блокнотам.

— Вы уж на нас не сердитесь,—неожиданно сказал майор Порфирьев, привстав, и четыре ордена на его груди блеснули отсветом разгоревшегося в печке пламени.— Вы не сердитесь, но ведь что можно еще написать о на-

шем брате? Ну, лег на курс, ну, отбомбил
ну, лег на обратный курс. Конечно, можно е
написать, что нанесен такой-то ущерб вра
взорвано столько-то объектов. Но, признатьс
столько уже о нас писали, что мы и герои,
бесстрашные, и отважные, что пора бы уже
поскромничать. Верно, работа наша серьезна
нужная родине. Но ведь и условия неплохи
Народ слетался, знает что к чему, машины
нас умные, испытанные, моторы не отказыв
ют, пулеметчики могут строчить при надоб
сти. А отбомбимся на совесть, возвращаем
в этакий зеленый домик, и Антонина Васи
евна готовит нам вкусный обед, и дрова в
так потрескивают, и ждет нас теплая, мягк
постель... Вот и думаю я, друзья, что по
вам написать о тех героях, у которых н
Антонины Васильевны и не то что вкусно
обеда — куска хлеба иной раз нет, и печ
не растопишь за неимением дров, и посте
похожа на глыбу льда...

Порфирьев вздохнул, поворошил поленья
печке и внимательно посмотрел в лица прит
ших корреспондентов.

— Был я с месяц назад в Ленинграде,
сказал он, — закончил дела в штабе и пош
на Васильевский—в один дом письмецо зан
сти просил меня наш инженер, дальние ро
ственники у него там живут. Темно уже, ид
где-то неподалеку немец ложит снаряды, зем
вздрагивает от разрывов, между нами говор

ить по улице довольно неприятно. Ну, отыкал с трудом дом, чуть не переломал себе ги в сугробе, поднимаюсь по лестнице, свеу себе под ногами фонариком; смотрю, идет енщина, несет два ведра с водой, останавливается на каждом пролете. Разрешите помочь. — Ничего, говорит, сама. А у самой, чувствую, дыхания нехватает. Взял я ведра, несу, азговариваю. — Издалека, спрашиваю, несе—С Невы.—Тяжеловато, говорю.—Тяжело, онятно, говорит, но ведь вам там, на фронте, ще тяжелее. Ну, разговорились, — оказывается, идет она в ту квартиру, в которую и я ду. Вы там живете? — спрашиваю. — Нет, живет там пожилая женщина, соседка моя, сама ездорова, ослабела, дочка у нее заболела, вот ей помогаю. — Молодец, — говорю. А она меется и отвечает: — А знаете, сколько таких олодцов у нас в Ленинграде! Ведь если я аболею — они будут мне воду таскать. Только не заболею. Не знаю, как немцы под Ленинадом, а я эту зиму выдержу.

Пришли мы в квартиру — темень, электричества нет, горит, как в древности, коптилка в баночке. Встретила нас пожилая женщина, провела в кухню. Оказывается, живут все на кухне: дров-то отопить квартиру нет. Передал я письмецо, а она обрадовалась мне, как сыну родному, не знает, куда усадить, а усадить и в самом деле негде. — Может, чайку с морозa? — предлагает. Я отказываюсь, вынимаю

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

трубку, а она не позволяет. — Подождите, ворит, минутку. Идет куда-то в переднюю роется там, стучит ящиками и, возвращаясь подает мне пачку «Казбека». Что вы, говорю. — Курите, курите, это сына моего папиросы остались. Я хранила, ну, а для вас не жалко. Да вы ж меня не знаете. А она так обиженно: — Как же я вас не знаю, вы наш летчик. И с такой, друзья, душой, сказала это слово «наш», будто услышал я его по-новому в первый раз. Поднимается в это время с дивана дочка. При тусклом свете коптилки разглядываю — худенькая, плечи торчат, чуть прихрамывает, а глаза веселые, живые, любопытные. Вы что ж это, спрашиваю, хворая вздумали — не совестно вам? А она сердито так отвечает: — Это фрицы мне ногу поранили. Обстреливают мерзавцы наш завод на Выборгской стороне, вот меня осколком и угодило. Ничего, скоро поправлюсь, пойду опять в цех снаряды укладывать. Может, и мой снарядик кого-нибудь из проклятых заденет, да не так, как меня, а почище. Я бы и теперь на работу вышла. Тоскливо дома торчать, вот трамваи не ходят, а с больной ногой сюда на Выборгскую не дойду. Садитесь к столу, товарищ летчик.

Соседка разложила на столике чистую скатерку, поставила чайник. — Простите, говорит пожилая женщина, что принимаю вас в кухне, — война, — и протягивает мне чашку чая

блюдечко с тремя махонькими-махонькими кусочками сахара, протягивает тарелку с ломтиками хлеба. И хлеб-то тоже нарезан — через микроскоп на него надобно глядеть. Да не хочу я есть, говорю. А хозяйка настойчиво протягивает мне чашку с чаем, и обязательно сахар, и тарелочку с хлебом, меня даже зло взяло. Бросьте, говорю, довоенное хлебосольство. Думаете, не знаю, на каком пайке вы, ленинградцы, живете. А девушка смеется. — Знаете, так тем лучше. Тем дороже наше угощенье. Ладно, смеюсь я, вот фрица изрубим на котлеты, тогда я к вам на блины приду, покормите меня румяными блинами с маслицем, да с икоркой, да с водочкой. — Это уж непременно, — отвечает хозяйка, — блины испеку вам на славу и водочку я вам настою на лимонной корке ради такого случая. Вот только, Сережи не будет только... И замолчала. А кто такой Сережа? — Сынок мой. Погиб в августовские дни под Ленинградом. Моряк. И Еленова протягивает мне тарелочку с хлебом. Не могу, говорю, есть. Вот, говорю, приду в следующий раз, захвачу угощенье, тогда поедим. И можете себе представить — обиделась хозяйка, исключительно обиделась. И говорит мне она этаким дрогнувшим голосом: — Я вас угощаю, и кажется, что всю нашу Красную Армию угощаю, а вы не хотите... И верите, как сказала она, так я и забыл, что сижу в холодной, нетопленной кухоньке, и последние до-

щечки тлеют в плите, и будто не коптилка г
рит, а большая, красивая люстра. И лю
будто сидят, показалось мне, красивые, с л
цами точеными, как будто их какой-нибудь зн
менитый скульптор лепил...

И, главное, они тоже забыли о муках сво
и только спрашивают меня об одном—как ср
жаемся, как проклятого фрица бьем, скоро
будет победа. А я говорю — нарочно этак: «
как по-вашему, скоро ли победа?» И тогда р
неная девушка привстает с дивана и с так
горячностью говорит: «Если б не было побед
то жить не стоит. Так, говорит, мы, ленингра
цы, считаем». Точно, говорю, Лида — Лидой
звать — мы, летчики, тоже так считаем — б
победы и жить не стоит. С этим живем, во
ем с этим, если надо — смерть принимаем.

Тут поднимается хозяйка, измученная, пож
лая ленинградская женщина, и так это чист
от глубин сердца говорит мне: — «Спаси
вам, спасибо...» А я смотрю на нее и говор
«Вы такие ж воины, как и мы... Вам спасибо
Спасибо, что держите Ленинград, что му
терпите и ничто не может сломить ваши го
дые, красивые души...»

А когда пришло время прощаться, подош
они ко мне все втроем, трясут мне руки, а х
зяйка смотрит мне в глаза и так это тихо-ти
говорит: «За Сережу моего отомсти, сынок»,
и целует меня в лоб.

И верите, товарищи корреспонденты,

...люблю я пышных слов, но показалось мне, ...будто я не в холодной кухне, а где-то на бес...крайном, широком поле, и стою я на коленях, ...и принимаю от ленинградцев красное, омытое ...кровью знамя. И клянусь я этой семье и всем ...ленинградцам отомстить за Сережу, и за доч...ку, раненную на заводе, и за воду, которую ...таскают усталые люди из Невы...

Уже тлели, догорая, угольки в печке. Пор...фирьев закурил, потемневшими глазами глянул ...на огонь.

— Вот кого следовало бы вам описать для ...всей страны, товарищи журналисты. Адресок ...у меня записан...

И майор снова сел за рояль подбирать ол...овым пальцем песенку про скромненький синий ...платочек.

Возвращение

Так после долгой разлуки возвращаются в ...отчий дом, где каждый гвоздь связан с ми...лыми воспоминаниями детства...

Шагая по стенке, занесенной снегом, в су...мерках зимнего вечера, разглядел Власов там, ...во льду, неясный силуэт линкора. Ускорил ...шаг моряк, сердце у него застучало, краска ...хлынула в лицо.

— Цел! — с нежностью, будто речь шла о ...живом человеке, сказал вслух Власов и оста...новился. — Цел-целехонек! — повторил он и.

приложив ладонь к глазам, пристально всмо
релся в знакомые очертания.

Так с минуту простоял он недвижно, в
вглядываясь в белесую мглу, из которой во
никали неясные контуры башен линкора, е
пушек, его мачт, его уходящей в высь кат
пульты...

Полный волнения, весь охваченный радос
ным предчувствием близкой встречи с друзь
ми, он отдал честь родному флагу, быстро д
брался до корабля, отрапортовал вахтенном
командиру, легкой походкой взбежал по тр
пу, и уже через несколько минут гурьба кра
нофлотцев окружила его, и веселые, молоды
возгласы наполнили кубрик, и друзья прих
дили из других кубриков, шутливо ощупыва
его, оглядывали со всех сторон — ведь он пр
шел на корабль в пехотном, в армейском...

И вот уже Фещенко, его старый политру
пришел сюда и, широко улыбаясь, с силой п
тряс ему руки, а лейтенант Кондратенко ск
зал ему ласково и деловито:

— Что ж, товарищ Власов. Восьмое оруд
ждет вас.

И вновь ощутил Власов, как кровь кинула
ему в лицо, и ему даже жарко стало от н
хлынувших чувств.

...Тревожным сентябрьским деньком, ког
кругом полыхали пожары, уходил на сух
путье Николай Власов, старшина второй стать
линейного корабля «Октябрьская революция

Желтые листья падали с деревьев в Петров-
ском парке, холодный луч осеннего солнца лег
на бронзовую фигуру Петра, молчаливо засты-
ли на стенке шеренги только что сформиро-
ванного батальона морской пехоты. Вышел к
морякам комиссар, негромким, чуть глухова-
тым голосом, выдававшим волнение, сказал о
чести, выпавшей на долю балтийцев, о городе,
прекрасным стенам которого вплотную при-
двинулась смертельная угроза.

И вместе с товарищами своими под шум
ветра, дувшего с Балтики, под дальнюю, неу-
молчную музыку батарей дал Николай Власов
священную, нерушимую клятву — корабля не
осрамить, чести балтийской не продать, за
Ленинград драться, пока глаза видят, пока
сердце стучит, пока сжимают руки прохладное
тело винтовки...

Давно еще, в тихом приволжском городке
Чулебаки, мечтал Николай Власов об этом ре-
шающем часе. Там, в теплые, напоенные лет-
ним томлением ночи, когда густо высыпали
звезды в высоком, бескрайном небе, мечтал
Власов о ветрах и бурях, о походах и сраже-
ниях, о часе, когда он сможет отдать жизнь
свою на геройский подвиг. Вместе с верным
другом своим Мишей Валонкиным шли они
после работы в лес, ловили в вечернюю зорю
рыбу в тихой речушке Теша, разжигали костер
и потом, глядя на звезды, думали о будущем.
Им грезились мохнатая, развевающаяся, как

крылья чудесной птицы, бурка Чапаева, и че
вертый бастион Севастополя, о котором чит
он в пленительной книге, и подвиги матро
Кошки и моряки Кронштадта, по грудь в во
идущие в десант на белогвардейские части б
рона Ливена... Чудились им в тишине мири
ночи выстрелы, орудийные залпы, шум горя
го боя...

И вот он пришел решающий час. Ми
Валонкин ушел на подводной лодке в дерзк
рейс к вражеским берегам, а он, Николай В
сов, как и любимые его герои, у подступ
вольнолюбивого города, чтобы победить и
умереть...

Забыть ли вас, грозные, озаренные орудий
ными вспышками сентябрьские ленинградск
ночи! Матросские патрули на набережных, ба
рикады на проспектах, дома, превращенные
доты, бойцы в скверах, блиндажи у велич
вых, перекинутых через Неву мостов...

Как часто еще там, на корабле, вглядыва
ся в зарева, полыхавшие на берегу, молод
командир. Стиснув зубы, спускался вниз и у
рямо читал, перечитывал строевые устав
вновь и вновь собирал и разбирал ви
товку, часами возился с пулеметом, наизус
заучивал наставления по пользованию полуа
томатом, гранатами... Если придется уходи
с корабля на сушу, грудью своей прикрыва
Ленинград,—то уж чтобы пуля била насмер

обы лента пулемета строчила безотказно, об граната сеяла смерть и страх в стане врага...

Первая дорога на фронт, марш по окраинам орода, изрытым воронками тяжелых снарядов, пригородным шоссе, над которыми по́мигно развертывались горячие воздушные бои... орога эта навсегда останется у Власова в амяти — а ведь сколько впереди у него бы- и будет еще фронтовых дорог.

Связной повел отделение моряков, которым омандовал Власов, прямиком по шоссе. Ночь. емцы поминутно освещали дорогу. Зеленова- е, голубые, синие вспышки слепили глаза. ласов шёл впереди, хмуро поглядывал на вязного, прикидывая — зря пошли прямиком, по, неосторожно...

Пучок света внезапно осветил краснофлотз. «Заметили!»—успел только подумать Власов, и тотчас же рядом, неприятно свистя, разорвалась мина. Первая. А за ней вторая столбом взметнула набухшую, мокрую землю, раскосала в стороны булыжник. Третья, четвертая. Начался обстрел.

Впервые в жизни своей встретились с минометным огнем краснофлотцы. Что полагается делать? Кое-кто растерялся. Несколько человек сбились в кучу. А немец продолжал садить остервенением.

— Рассредоточиться, залечь в канавы, быст-

ро!—скомандовал Власов нарочито спокойн
голосом.

Знакомый голос, уверенный голос команд
ра! Это было главное для новичка. И точн
приказание было выполнено в какие-то до
минуты. Минометы продолжали свирепст
вать, но уже все казалось не таким страшны
и даже оробевшие поначалу краснофлотц
следя из канавы за тем, как разрывались ми
на шоссе, стали подшучивать друг над друг
кой, и над первым своим страхом, и над вр
жескими минами, расходуемыми явно впусту

Видимо, немцы решили, что с идущим
фронт подкреплением все кончено. Обстр
прекратился. И тогда Власов осторожненько в
вел отделение и провел его, отругав неопыт
го связного, не прямым путем, по удобному ш
се, а извилистой, обходной тропкой. Без поте
привел он бойцов на назначенный рубеж.

Маленький, малозначащий эпизод, затер
шийся, как песчинка, в нахлынувших пот
гигантских событиях. Однако Власов навсе
запомнил и это шоссе, и разноцветные вспыш
ракет, и первое замешательство, и свою с
койную внешне команду. Ведь именно зде
в этом незначительном испытании, он почув
вовал особенно остро, как много ему дано
ведь он отвечал за жизнь людей: и эт
замочного Бочарова, и второго наводч
ка с линкора Михайлова, и внимательного К
кушкина, и всех доверенных ему бойцов.

Со всей силой ощутил он свою ответственность командира. И это чувство ответственности уже никогда больше не покидало его.

Не теряться — никогда, ни при каких обстоятельствах! Не теряться, когда, развивая бешеную скорость, мчатся на тебя осатаневшие мотоциклисты, не теряться, когда, стреляя очередями, идут цепи пресловутых «психов», когда катятся на тебя закованные в броню огнедышащие чудовища...

И незыблемый этот закон, подобно талисману, выручал Власова и его бойцов в самые грозные, самые критические минуты...

Линкоровцев включили в состав особой ударной роты моряков. Если враг сосредоточивал на участке фронта технику, живую силу, бил из тяжелых орудий, стремясь прорвать оборону, — туда шла ударная рота, и там ничего не мог сделать враг. Если гитлеровцам удавалось где-то просочиться в глубь обороны, — туда шла ударная рота и выправляла положение. Это были лучшие из лучших. Они не боялись смерти — и смерть боялась их. Ни разу не дрогнули моряки, не отступили ни на дюйм. Сдержали клятву свою, данную там, у старинного памятника Петру...

И если мечтали балтийцы, то только о том, чтобы пришел, наконец, приказ, краткий, как выстрел, — наступать! Да, держа активную оборону, изматывая немцев, размалывая их ре-

зервы, моряки мечтали о таком приказе. Мор
ки любят наступать и умеют это делать.

Он пришел, этот приказ! В полночь надо бы
ло итти на позиции врага, занять важный р
беж. Собрал в круг своих бойцов Никола
Власов. Скупым, коротким словом раскры
смысл предстоящей операции, проверил ор
жие, по-хозяйски осмотрел обмундировани
обувь бойцов.

Пора! Перевалив через противотанковый ро
балтийцы по-пластунски поползли вперед. С
противника отделяла их узенькая полоска зе
ли. Звенела невдалеке проволока — саперы р
зали заграждения.

Немцы услышали шум — началась стрельб
в фашистских окопах поднялась суматоха, Вл
сов отчетливо услышал слова команды, топо
ног. Он шопотом приказал бойцам — залечь.
сам вставил в автомат полный диск, приго
вив гранаты, подполз еще ближе к вражески
окопам. Ясно увидел, как из одной землян
перебегали солдаты в другую, видимо, перен
сили боезапас. «Не донесут!» — усмехнул
Власов и очередью грохнул по выбежавше
из землянки гитлеровцу. Упал гитлеровец. Вл
сов подполз к кустику, примостился к нему, п
ревел автомат на одиночную стрельбу, чтоб
зря не расходовать патронов — они еще приго
дятся для атаки. Вот и второй фашист выско
чил за боезапасом. Подстрелил Власов и вто
рого. «И этот не донес!» — снова усмехнул

командир, приготовившись к следующему выстрелу.

Тут он заметил, что пули ложатся рядом с ним. Его приметила какая-то гитлеровская кукушка. Ага! Вот откуда бьют — из крайнего блиндажа. Ну да, вот из этой щели. Погоди же! — Он прицелился, дал очередь — и замолчала щель.

В воздухе то и дело взвивались зажигательные ракеты. К Власову подполз связной: приказ — продвинуться вперед.

Три коротких, условных свистка. Атака! Власов поднялся во весь рост, звонко крикнул:

— Вперед, ребята!

Пули жужжали вокруг него, немцы все усиливали огонь, но Власов бежал вперед, словно несла его какая-то неведомая сила.

Вдруг прозвучала немецкая команда — несколько солдат с воинственными воплями выбежали из окопов, на ходу стреляя очередями. Власов на секунду остановился, молниеносно заставил новый диск, прицелился. Очередь скосила двух немцев. Еще упали двое. Еще один... Подоспевшие бойцы уже вели огонь рядом с командиром.

Балтийцы подбегали к вражеским окопам ближе и ближе. Но огонь крепчал, и Власов хотел приказать краснофлотцам залечь, но вдруг почувствовал острую боль в плече. Ноги у него подкосились, застонав, он упал лицом в снег. Боец Корниенко подбежал к нему, склонился.

— Старшина, ранен?

— Ранен, — с трудом ответил Власов. Действуйте! Командование передаю Боброву.

Бобров был краснофлотцем с «Кирова», его Власов назначил заранее своим заместителем.

Пули свистали все сильнее. Били автоматы пулеметные очереди взметали снежную пыль. И слабея, сказал Власов:

— Видишь, сюда бьют... Отползай в укрытие...

— А вы?

— Отползай...

Но Корниенко не хотел отползать, оставив на произвол судьбы раненого командира. Он рванул с себя рубашку, чтобы перевязать ра ну, из которой сочилась кровь, осторожно пе ревернул на другую сторону Власова и вдру тихо вскрикнув, свалился сам. Пуля убила ег наповал.

— Корниенко, — сказал Власов, — Корни енко... — повторил он глухо и потерял созна ние.

Он очнулся в полевом госпитале.

— Как атака? — спросил он.

— Рубеж наш, — сказал ему военврач.

— Корниенко жив?

— Убит Корниенко.

И Власов снова впал в беспамятство.

Ранение было серьезное. Власов пролежал в лазарете месяц, и из госпиталя его списали на родной корабль.

...И вот сейчас он на корабле. Все было по-прежнему здесь и вместе с тем как все изменилось. Ушли на сухопутье, в пехоту, на железнодорожные батареи, в бронепоезда многие его товарищи, пришли новые люди на корабль. И старые люди стали иными — посуровели, закалились, обстрелялись.

Власов нанес первым делом визит своей пушке. Восьмое орудие было в полном порядке. Старшина еще до ухода на фронт славился на корабле хозяйским, любовным отношением к боевым механизмам. Он знал, что пушка не терпит плохого к ней отношения, что она капризна. И он холил и лелеял свое восьмое орудие. И уже через несколько дней командир Кондратенко сказал Власову:

— Ставлю вас на второе орудие, оно запущено, выведите его на первое место.

Распрощавшись со своей пушкой, Власов принял новое орудие. Он осмотрел его опытным глазом и сразу же решил, что здесь предстоит довольно много дела. Где банник? Надо достать банник. Прибойник находился в состоянии не блестящем. И еще ощущая боль в плече — рана давала себя знать, — он принялся с воодушевлением чистить, смазывать отставшую пушку. «Ничего, — бормотал он, заглядывая в дуло, — будешь, милая, стрелять, как снайпер, починим тебя, приласкаем, будет у тебя все в порядке, будешь немцев садить, как по нотам...»

Здесь предстояли большие ремонтные ра
ты—надеяться на «дядю» не приходилось,
монтировать надо было своими силами. И В
сов обстоятельно продумал график работ,
ломал голову над тем, как получше расстав
краснофлотцев, кому что поручить, с кого
потребовать, что заранее подготовить...

Несколько дней прошло в усердных труд
И вскоре Кондратенко, осмотрев пушку, од
рительно покачал головой и сказал Влас
все так же ласково и деловито:

— Молодцом! Теперь снова можете бр
свое орудие. С этим — в порядке.

Однако и у своей старой пушки Влас
нашлась серьезная работа. Ему дали нов
бойцов. Установщик прицела Кулаков был
запаса, наводчик Гончаров служил раньше
другом корабле. И Власов взялся за их ш
фовку. Провел он с Кулаковым несколько
дивидуальных тренировок, подробнейше объя
нил технику, заставил вдумчиво вникнуть
все детали.

И сам Власов, руководя бойцами, участв
в зимнем судоремонте, напряженно готовил
к весенним походам. Надо было воскресить
памяти все, что было накоплено за три го
службы на корабле, и он взялся за учебн
палубной артиллерии, повторил все наставл
ния, выучил наизусть боевую инструкцию.

Война уже научила его многому, но он хот
знать, знать еще больше. Ведь он дрался н

хопутье, а корабль за эти месяцы боевой страды накопил много нового, и это новое надо было вобрать в себя.

Уже в марте получил он письмецо от друга своего, подводника Миши Валонкина. Тот радовался возвращению Власова на корабль, передавал приветы от своего «подводного коллектива», который готовится к новой кампании — «ведь наш край на Балтике широкий, и под водой мы, как дома».

И, перечитывая строчки друга, вспоминал Власов тихие приволжские ночи и юношеские мечтания и всей душой чувствовал, что доведется увидеть ему многое, чего не видел раньше, и испытать то, чего не испытывал раньше, и ему до боли хотелось, чтобы скорей пришла весна, и сгинул бы ледяной плен вокруг бортов, и стальной красавец с развевающимся флагом пошел бы навстречу новым боям, в которых Власов и его товарищи завоюют, обязательно завоюют большое счастье, о котором писал в письме своем Миша Валонкин, подводник и друг детства.

Письмо на корабль

Дорогой товарищ военком! Наверно, не запамятовали вы еще старшину второй статьи Яблочкина Василия и старшего краснофлотца Заветина Матвея, известных друзей до гроба из дивизиона живучести, служивших на

родном стальном гиганте Краснознаменно Балтики. Напоминает вам Заветин Матвей, к торый в настоящий момент находится на и лечении в госпитале под наблюдением враче

Я-то вас помню, дорогой товарищ военко и век буду помнить, как в августе месяц 1941 года, ночью, попались мы вам в кор после ужина, как вывели вы нас на палуб как глянули мы на один берег и на друго берег, а вокруг все горит и пылает, как дьявольская иллюминация. Век буду помни как сказали вы тогда тихонько-тихонько, бу то на ухо: «Ребята, ведь это вокруг наше Ленинграда все немцы запалили...»

И больше ничего не сказали вы, видно, сил но волновались, оставили нас одних, ушли корму, в каюту. Но мы поняли без слов в и вашу гневную ярость, которую, конечно понятно, словами не выскажешь...

Долго стояли мы с Яблочкиным Василие на борту, и сердца наши стучали все сильне все сильней, и безмолвно смотрели мы, как по лыхало пламя и все небо было розовым, а по том оранжевым, а потом ярко красным, будт его подожгли. А потом спустились мы с Яб лочкиным по трапу в корму и постучались вам, в каюту. А вы уж точно ждали нас, толь ко рукой показали на диван — садитесь, мол

А мы садиться не стали, а с гневом и яро стью сказали, что не можем в настоящий мо мент служить в дивизионе живучести, хотя

любим свою службу, и корабль свой любим, сознаем все значение своего незаменимого боевого поста на корабле. Однако сейчас не время и не место нам в дивизионе, а место на передовых позициях, на фронте. Тогда вы сказали, что мы и так на фронте и бьем фашиста из крупного калибра. Тогда мы ответили, что, понятно, верно и, понятно, главный калибр — это есть главный калибр, но мы хотим на суше, в окопутье, чтобы увидеть немца лично и не только увидеть, но и задушить его, как отцы наши его душили — собственными руками.

Тут вы так это ласково посмотрели на нас и сказали, что формируется морской батальон и вы можете включить нас, если мы того добиваемся. И, возможно, вы забыли, дорогой товарищ военком, а я лично помню, будто это было сегодня, как верный друг мой Яблочкин Вася вместо ответа бросился к вам и стал трясти вам руки и даже поцеловал вас.

А вы нахмурились и сказали, что это не по уставу. Конечно, вы сказали это для видимости, и сами тоже очень разволновались — хоть по положению вы и должны были ему это сказать, но человек есть человек.

Утречком кинули мы прощальный взгляд на наш стальной красавец Краснознаменной Балтики, глянули мы на наш гордый флаг, развевающийся на корме, кольнуло немного в наших сердцах, ну, ничего, мы народ крепкий, разводить нюни не в нашем характере, и с ве-

селой улыбкой прыгнули мы в быстроходный катерок, который пошел по свинцовым волнам к берегам Ленинграда.

Вот мы и в Ленинграде. Идем мы по мосту через Неву, идем по набережной, видим как закрывают рабочие знаменитый памятник императору Петру, на который, как известно, даже из Аргентины приезжали смотреть различные аргентинские ученые, — это я знаю точно, это нам сообщил один лектор, приходивший к нам на корабль. Идем мы вдоль гранитных набережных, мимо Адмиралтейства, идем мимо Зимнего дворца, люди на тротуарах машут нам руками, кричат нам разные такие ласковые слова, а мы идем и думаем, что вот и наши отцы так вот ходили по городу и, может быть, так же им с любовью и лаской кричали разные хорошие слова... И от этого кровь наша приливала к сердцу, и шагали мы веселей, хотелось нам поскорей на фронт, дабы показать, дорогой товарищ военком, на что мы, так сказать, способны.

В полуэкипаже переодели нас в армейскую. Обмундировка, конечно, ничего, справная, приятная, невидного, защитного цвета — под зеленую травку. Ничего не могу сказать худого про данную обмундировку. Но, понятно, ей до флотской — как небу до той земли. Васька Яблочкин, не скрою от вас, внутренне и даже внешне возмутился, отказывается менять шинель на шинайку, свой красивейший клеш на зеленые

...шки, да ладный бушлат с якорными пу-
...цами нестерпимого блеска на шинелишку,
...ботиночки со скрипом на высокие яловые
...оги.

Шумит, стало быть, мой Вася Яблочкин,
...пко шумит, даже чуть не выражается. Я,
...ворит, в Военный совет напишу, там Васи-
...Яблочкина поймут и уважат. Моряк гово-
..., должен, говорит, итти на бой, на смерть,
...своем, в моряцком. Не надену, говорит, по-
...ронней обмундировки.

Тут подошел к нам какой-то невзрачный с
...ду политрук. Мне, говорит, тоже, может,
...дно свой китель на гимнастерку менять, да
...попишешь — маскировка есть святое дело
...сухопутного бойца. К лицу ли, говорит, нам
...себя черную мишень на фронте изображать.

Ну, маскировка так маскировка. Переоде-
...сь мы в армейскую форму, а бескозырку,
...нятно, не сдали, а будто невзначай сунули в
..., карман. Переоделись, со стеснением глянули
...рут на друга — дескать, что вышли за пти-
...цы. Оказалось, ничего, глядеть возможно. По-
...нятно, фигуры моряцкие — статные фигуры,
...не испортишь, а тут еще подошел тот не-
...взрачный, да, видать, очень соображающий по-
...литрук и толково так замечает: «Ладно, ребя-
..., Васта, помните — под любой формой бьется жар-
...кое балтийское сердце». Ну, мы согласились с
...этим просвещенным мнением и из экипажа
...двинулись прямо на фронт.

Вы, понятно, не хуже меня знаете, товар
комиссар, что дорога на фронт в ту пору бы
не очень длинная. Часа не прошло как мы
тились за Пулковом, то есть на тех мест
про которые мы, бывало, читали в книгах
видели в кинопостановках.

В этих местах бились, как вам известно, б
тийские моряки с немецким бароном фон-Ли
веном, лихо бились, весело, умирали красив
так что дух захватывало...

Шагаем мы по дороге, бахают пушки, доди
дик моросит, ветерок нас обвевает, а мы дум
ем, что вот и стукнул наш час, приспело вш
мечко показать, что есть еще порох в наш
балтийских пороховницах...

А немцы на этом участке наседали лютос
танки, и автоматы, и самолеты, и минометы
все пустили в ход, что награбили в Евро
Только не было на ихнем вооружении наш
балтийской смелости, не было у них матр
ского нашего удальства, скрыл от них пр
ренный Адольф, что дала Балтика клятву:
ка руки держат оружие, пока видят глаза
не гулять немцу по Невскому проспекту. А
моряк сказал — того и топором не вырубиш

Не стану долго описывать, товарищ вое
ком, про все, скажу только, что наши балт
ские привычки и походочку нашу балтийску
не растеряли краснофлотцы вверенного
родного корабля. Прямо с марша заняли
оборонительный рубеж — попробуй возьми!

В тот же день он пошел на нас в атаку. Шел адольф, как полагается, в дымину пьяный, набравшись храбрости при помощи моченка от бешеной коровы. Во весь рост шел паразит, пистолет-автомат на брюхе и поливает все вокруг огнем, как из лейки на огороде.

Однако моряков на пушку, а тем более на пистолет-автомат не возьмешь. Подпустили мы близко, совсем близко, ну, кажется, слышно, как они дышат, лица уже их ясно-ясно видим, особенно одного мордатого, с крестом на дуфренчике, что шел впереди. Командир наш шепчет: «Еще, еще, ребята, поближе, пусть поближе...» А уж мочи нет терпеть, сердце трепыхается, и рука сама хочет нажать на спуск. Нет, нельзя, нельзя... Выдержка, мо-ячки.

«Огонь!» И еще не кончил командир команды, такой начался огонь, что как у меня, товарищ военком, не лопнули все барабанные перепонки, до сей поры понять не могу...

Это был форменный цирк. Один — назад, другой — вперед, третий — вбок, а больше всего ни вперед, ни назад, ни вбок... Уткнулись мордой в суглинок — прощай, мама, адольф дал дуба...

И такое обуяло нас веселье, так легко стало на душе, что нет сил сидеть в окопах. «Принимай, псих, балтийский гостинчик!» И уж, не помня себя, выскакиваю я из окопа, а, смотрю, уже впереди меня Яблочкин Вася, и

Садиков Сергей, что с минзага, и Голу
ский Андрюша, котельный машинист, и Пар
кин, марсовой, — когда они только успели
— А ну, давай жизни, балтийцы! — бу
не своим голосом звонко кричит Яблочк
Вася и сам кидает наземь пилотку и на хо
нахлобучивает бескозырку на свою красив
голову. И я тоже тяну бескозырку из кар
на, а потом, гляжу, все наши морячки уже
надевали бескозырки, а пулеметы строчат
мины визжат, смерть кругом нас гуляет, на
итти вперед, только вперед и опять-таки в
ред. А Вася Яблочкин уже рядом с коман
ром, только слышен его звонкий богатырск
голос:

— За Ленинград! За родину! За Сталина!

И, внушая врагу своими бескозырками уж
и жуткое содрогание, идем мы вперед, стре
на ходу из винтовок и автоматов. Только
мецкий огонь все жарче и жарче, а тут вдру
как назло, встречает нас колючая проволока
ни проехать, ни пройти.

Залегли мы — кто за кочку, кто за кам
шек, а кто так, на мокрой земле лежит и г
лову прячет. Вот напасть, думаем, проволок
проклятая. А дождь льет, а немец бьет, и в
обще, товариц военком, получается невесела
картинка из нашей жизни.

Я приподнимаю чуть-чуть голову и вижу
Яблочкин Вася ползет туда, прямо на колюче
проволочное заграждение. «Куда ты, Вася?» —

ричу я ему, а он не отвечает, а только рукой
гает. Ну, поскольку куда Вася, туда и я,
сторожно ползу я за ним. Так доползаем мы
о проволоки, а пули вокруг свистят, как
проклятые осы, только ни одна нас не жалит—
роде у нас против них петушиное слово...
Вынимает Яблочкин Вася финку, режет он
олочную проволоку, то же приказывает де-
ать и мне. Я, понятно, режу, а тем временем
другие подползли, тоже начали резать. Од-
ако дело долгое, мешкать нельзя, и тогда Ва-
я поднимается во весь рост, скидывает с се-
я армейскую шинельку, скидывает гимна-
терку, остается он в одной тельняшке, бро-
сает он свое имущество на проволоку и снова
кричит звонким богатырским голосом:
— Скидавай шинели, бросай на проволоку!
Видать, вспомнил Яблочкин Вася, как, бы-
вало, действовали в гражданскую.
Накидали мы в брешь шинели, накидали
гимнастерки на проволоку, рванулись вперед,
и теперь уже ничто не могло сдержать наш
лихой балтийский порыв! «Вперед, балтийцы,
вперед!» — кричит Яблочкин Вася, и я что-то
кричу, и Голубовский орет диким голосом,
молнией врываемся в деревеньку и вышибаем
немцев с одного домика, и с другого, и с
третьего — только дым стоит и стон...
А с углового дома, где находился сельсо-
вет, косят по нас из пулемета — видать, за-
сел какой-то автоматчик и не дает нам, пара-

зит, пройти на правый фланг. И вот тут, варищ военком, происходит подвиг Яблочна Васи, который врывается в этот дом градом пуль, и пули его обжигают, но бе наверх и взрывом гранаты кончает автом чика и потом выбегает на улицу и кри нам: «Семафор открыт, путь свободен!»

И мы устремляемся на правый фланг и у окончательно выбиваем адольфа из этой ревеньки, и командование поздравляет нас, нам жмут руки, и говорят нам благодарно

Только я оглядываюсь и вспоминаю, что видать в наших рядах Яблочкина Васи. же Вася? И вдруг моряки расступаются, страшная картина открывается моему взо Девушки-дружинницы несут на носилках Я лочкина Васю, а он лежит на носилках бле ный, как та смерть, и шевельнуться не мож и глаза его сияют блеском.

В этом месте, милый товарищ военком, гл за мне застелил туман, и сейчас, как пиш вам, снова расстраиваюсь, потому что дружба нас была неспроста, крепкая моряцкая друж Подхожу я к нему и вижу — чуть дыш Яблочкин Вася, вот-вот будет отдавать конц

— Вася,—говорю я ему,—друг, неужели? А он только смотрит на меня и только чу моргает мне ресницами. Дескать, понимаю т бя, а ответить не могу... Тут слеза брызну у меня из глаз, сдавило мне сердце, и не зна что делать, как помочь.

И, как назло, выглянуло в этот тяжелый мо-
ент осеннее солнце, осветило и Яблочкина
асю на смертном одре, и девушек-дружин-
ц, и меня, и всех других моряков, которые
оялили молча, без слов и смотрели, не отры-
аясь, на умирающего героя. И вдруг видим
ы, как широко открываются глаза у Яблоч-
кина Васи, и улыбка играет на лице, и губы
его чуть-чуть шепчут. Я наклоняюсь к нему и
лышу последний, предсмертный шопот:

— Матвей... бескозырка... на корабль...

Тут надвинулась тучка и прикрыла осеннее
олнце, снова стало пасмурно вокруг и,
здохнув в последний раз, умер мой верный
друг из дивизиона живучести Яблочкин Вася,
старшина второй статьи. Закрыли мы ему гла-
а и обещали отомстить и сдержали обеща-
ие у гроба на другой же день, когда уничто-
или до единого всю роту фашистской диви-
ии «Мертвая голова». Только там меня тяже-
ло ранили, но я надеюсь, что скоро чуткие
рачи восстановят мое здоровье и я снова
могу крошить адольфа, как крошил его Яб-
очкин Вася, незабываемый мой друг и то-
арищ.

А пока обращаюсь к вам, дорогой товарищ
енком: пришлите с корабля в госпиталь рас-
ильного за бескозыркой Яблочкина Васи, и
усть она хранится, бескозырка, на корабле
как память и как знамя жарких боев за Ле-
нинград. И еще, если возможно, повесьте пор-

трет Яблочкина Васи в ленинском кубр
фотографию при сем прилагаю, а честь
Яблочкин Вася заслужил своей кровью.
пусть смотрят молодые краснофлотцы на
портрет, и вспоминают про героев наших
стараются быть такими же героями, пот
что еще у балтийских моряков нынче ми
дела и будет еще много дела впереди, а т
же потому, что Яблочкин Вася корабля на
го не посрамил и умер красиво, как балти
умирали во веки-веков. При сем прилагаю
тографию Яблочкина Васи. Если ее пе
снимут, получится очень замечательный по
рет.

Остаюсь ваш старший краснофло
Заветин Матве

Аллея лицеистов

Есть место им в полях Рос
Среди нечуждых им гробов

А. Пуш

1

Мы скоро вернемся в этот городок, отст
щий от Ленинграда на расстоянии артил
рийского выстрела, как вернулись в Истру
Клин, Калугу, Тихвин и Калинин.

В молчании, стиснув накрепко зубы, ступ
на осквернённые врагом камни города, по

о немеркнущее имя поэта. Взглянем на ный пепел домов, на изуродованные памят-и, на обезображенные ансамбли Растрелли. ойдем к местам, где вставало солнце рус-ой поэзии, увидим несущуюся в небесную убизну колоннаду Камероновой галлереи, ны и липы, хранящие память столетий, бес-умную гладь екатерининских прудов, высе-ные из камня беседки и гроты на отлогих, умчивых берегах...

Пройдем тихими аллеями парка. Здесь часто одил русский гений. В аллеях Екатерини-ого парка проходила юность поэта. Здесь, с кленами и липами, бродил молодой Пуш-н со сверстниками своими. Здесь поэт дал ятву потомкам своим — клятву на верность.

* * *

...Зимою 1941 года в Екатерининском пар-, в аллее Лицеистов, на заснеженных де-вьях немцы вешали потомков Пушкина. Де-брьский ветер качал липы и клены, сбивал лые хлопья с мохнатых ветвей. Солдаты из дивизии СС ладили веревки. Раздетые, босые, битые, с окровавленными лицами, люди жда-конца.

У чугунной ограды парка стояли женщины дети с опухшими от голода и горя лицами. емцы расправлялись с их мужьями, отцами, трами и братьями. Распоряжался долговя-

зый офицер из гестапо, в шинели с крас
меховым воротником.

Ранние сумерки сгущались над горо
над Екатерининским парком, над аллеей Л
истов. Трупы висели долго.

За что их повесили? За то, что они люб
землю своей родины, как любил ее Пушки

— Хальт! — кричал немецкий солдат и
прикладом женщин и детей, приникших к
гунной ограде.

Там, за оградой, качались тела их близк

— Хальт! — снова кричит немецкий сол
и стреляет в женщин и детей. Их ведь мн
в кого-нибудь попадет! Падает старая жен
на, повязанная накрест белым пуховым п
ком, валится мальчик с землистым лицом
отцовском непомерно длинном пальто.

В парке раскачиваются повешенные. У
гунной ограды лежат трупы. Их нельзя уб
рать — так приказал немецкий комендант.

...Мы скоро вернемся в Пушкин. Мы по
дим над могилами повешенных алые, к
кровь, цветы. Мы сдерем отовсюду ненави
ные дощечки с тевтонскими надписями. Вы
вем из земли березовые кресты на бесчисл
ных кладбищах немецких солдат, сложим
кучу кресты, запалим костер.

Мы придем в аллею Лицеистов. Помолчи
Вставим новые обоймы в магазины, пойд
дальше. Дорогою на запад.

2

Никогда не знал краснофлотец Гринько де
шки из Пушкина с простым и ласковым
менем Галя. Никогда не видел Гринько этой
евушки. Никогда не слышал ее голоса. Но
на была ему невестой, и сестрой, и другом,
отя узнал Гринько о том, что жила в малень-
ом городке Пушкине девушка с именем Галя,
ишь после ее смерти.

Январским студеным вечером уходили
ринько и еще пятнадцать моряков-разведчи-
в из батальона морской пехоты в дальний
ыл врага.

Моряки шли на лыжах один за другим. Мол-
ить слова нельзя, и выбить огня из зажи-
алки нельзя, и, если почуешь запах жилья,
ворачивай в сторону, в непроходимое болото,
неприютные леса.

Гринько шел головным, изредка останавли-
ался, слушал тишину. Только ветер завывал,
хрустели ели, да время от времени падал с
ветвей снег. Гринько давал сигнал, и снова
ли вперед, поскрипывая лыжами, шестна-
ать разведчиков-моряков.

Путь их был в дальнюю деревню. Вчера
ришел в батальон мальчуган, связной из пар-
изанского отряда, и сказал, что в деревню
ереведен штаб дивизии СС.

Да, все было, как сказал мальчуган. У од-
ой из изб стояли часовые. Здесь и был штаб.

В белых халатах, наброшенных прямо
полушубки, в капюшонах поверх ушанок
сыпались моряки по сонной деревне.

Взвилась в ночи стремительная раке
Хриплый возглас, заглушенные стоны: морс
снимали часовых.

Звенели стекла, бутылки с горючим вс
хивали, как молнии. Трещали автоматы, р
рывались краснофлотские гранаты.

Столбы пламени, бьющие из окон, и го
боватое мерцание луны, и невероятный мор
обжигающий тело, и призрачные фигуры
ряков в белых балахонах, и обезумевшие не
цы, мечущиеся по деревне в одном исподне

Долговязый офицер в длинной шинели
красивым меховым воротником выскочил
двухэтажного дома, пальнул несколько раз
ночь, в тени деревьев, казавшиеся ему
выми.

Гринько прицелился и убил его. Грины
расстегнул шинель немца, вытащил докуме
ты, записки, карты, подобрал со снега бле
нувший в свете луны черный полирован
револьвер.

Зарево поднималось над верхушками дере
ев. Застучали невидимые во тьме пулеме
Время уходить, моряки, дело сделано...

И вот снова глухая тишина леса, толь
хрустят ели, и только лыжи поскрипывают,
молчаливо идут гуськом шестнадцать мор
ков-разведчиков.

В штабном блиндаже, в дрожащем пламени свечи рассматривали моряки документы, захваченные разведчиками.

Среди приказов по дивизии о расстреле каждого русского, появившегося в зоне боевых действий, независимо от пола, возраста и профессии, среди ценных дислокационных данных о новых пополнениях, актов о самострелах и дезертирстве, среди унылых, бесцветных солдатских писем, изъятых немецким командованием из сумок полевой почты, нашли небольшую изящную книжечку с золотым тиснением на переплете и с маркой: «Сделано в Париже».

Эту книжечку взял Гринько у долговязого офицера в пальто с меховым воротником. Перелистывая книжечку, штабной переводчик выронил пачку пожелтевших фотографий. То были виды города Пушкина, снятые советскими фотографами, скульптуры Камероновой галереи, амуры с плафонов дворцов, панорама Екатерининского парка, знаменитая Пушкинская аллея...

Книжечка была наполовину исписана мелким, убористым почерком. Это был дневник, один из тех многих немецких дневников, которые были начаты во Франции и Югославии, Польше и Греции и оборвались в русских снегах.

Страницу за страницей переводил опытный

переводчик. Какой сгусток тупости, цинизм наглости, трусости, хвастовства в этих коро ких записях. Все было здесь, в офицерск реестре: и кабаки Гавра, и прогулки Елисейским полям, и ночные экскурсии по об гренному кровью младенцев Белграду, и бе печное житье в старинных польских замка

Последние страницы дневника были посв щены походу на Ленинград.

Поздней ночью комиссар батальона морск пехоты пришел в блиндаж разведчиков и пр читал вслух дневник немецкого офицера:

«...Вчера мы заняли Царское Село. Од переход отделяет нас от Санкт-Петербур Отсюда, с возвышенности, уже можно виде купол Исакиевского собора. Здесь, в Царско Селе, вовсе недурно и, пожалуй, не хуж чем в Версале. Во дворцах жили цари. Де чонки здесь очень злые, царапаются и в жат, если до них дотрагиваются. Но мои со даты находят средства быстро их урезонить.

«...Вчера вылавливали в домах не успевш удрать местных большевиков. Довольно м го. Часть перестреляли на месте. Дурак Куп стал составлять списки расстрелянных. Вел ему не тратить бумаги. Зачем? Объяснил е в чем заключается миссия немцев на Восто и запретил заниматься скучными бухгалтерск ми занятиями».

«...Они переименовали Царское Село в

...од Пушкин. Пушкин — это поэт. Я вчера ...рошел по аллее, увешанной портретами поэта ...ушкина и других революционеров. Под ...ждым из них были агитационные цитаты из ...изведений Пушкина. Дурацкая выдумка ...льшевиков! Я приказал сорвать портреты и ...стить их на растопку».

«...Снова занимался наказанием и устраше...ем. Вчера расстреляли 80 человек. Купке ...нова взялся за бумагу, но я приказал ему ...кончить эти штуки раз и навсегда».

«...Второй месяц в Царском Селе. Выпал ...ег. Застрелился обер-лейтенант Гимме. Ког... это кончится? Вчера снова нашли на Пуш...инской аллее труп убитого солдата из третье... батальона. Пошел в тюрьму, взял залож...иков из местного населения, перевел их в ...меру смертников. Они будут висеть в этой ...лее вместо портретов Пушкина. Я обсчи...лся — Купке доложил, что я перевел в ка...меру 13 заложников. Чортова дюжина: жаль. Я не люблю дурных чисел. Ничего, найдем и ...етырнадцатого».

«...Четырнадцатый — баба. Ее поймали вче... за вокзалом. Она подкладывала динамит ...од полотно железной дороги. Привели ко ...не — молчит. На вид ей лет 18—19, не ...больше. Фамилии не говорит, адреса тоже, ...кем послана не говорит. Купке сказал, ког...да ее вели по улице, кто-то крикнул из дома: «Галя!» Она вздрогнула, но не оглянулась.

Купке обыскал весь дом, никого не нашел. ее спросил: «Тебя звать Галя?» Она плюну мне в лицо. Купке хорошенько проучил э дрянь ремнем. Он, однако, многому научил в России, Купке. Девчонку унесли без с знания».

«...Сегодня вешаем заложников в Пушки ской аллее. Сказал Купке, чтобы объявил ж телям. Во избежание эксцессов у решетки п ставили караул».

«..Свиньи! Их надо истреблять всех единого. Они решили пытать нас молчание Они не просили пощады, не умоляли о спас нии. Они молчали. И эта девчонка Галя. подошел к ней, она с такой ненавистью взгл нула на меня, что мурашки прошли у меня спине. Как смешно задрыгала она ногами, ка забавно вылезли ее глаза из орбит...»

Догорала, оплывая, свеча. Комиссар батал она закрыл изящную книжечку, оглядел вы ступавшие из темноты лица моряков. Молч ли разведчики.

— Кто прикончил его? — глухо спроси комиссар.

— Я, — ответил Гринько.

— Спасибо вам, товарищ Гринько, — тих сказал комиссар. — Спасибо!

Ничего не сказал Гринько, только приложи молча руку к ушанке и потом большими силь ными пальцами взял со стола изящную кни жечку, вложил туда фотографии Екатерини

кого парка, лицея, где учился Пушкин, и муров с расписных дворцовых плафонов.

— Прошу вас, товарищ комиссар, — сказал краснофлотец, — отдайте эту книжечку не.

Комиссар утвердительно кивнул.

3

Если доведется вам побывать в Н-ском бальоне морской пехоты, вам непременно расскажут о знаменитом снайпере, имя которого известно далеко за пределами части. Это — Гринько. Да вы его узнаете сами. Вероятно, случалось вам видеть его фотографию в газетах. Худощавый, невысокий парень с балтийского корабля, в армейской гимнастерке с якорями в петлицах, с орденом Красного Знамени на груди. Живые, страстные глаза южанина, черные усики над вздернутой губой, пытливый лоб, смуглые скуластые щеки.

Быть может, вы вспомните, что Гринько был сфотографирован с винтовкой в руках. Из этой винтовки он убил уже более ста фашистов и умножает счет каждые сутки. Он владеет винтовкой, как скрипач смычком, как ваятель резцом. Он водит новичков из пополнения на рубеж в ста пятидесяти, в двухстах метрах от неприятельских траншей и там учит их снайперскому искусству. И Гринько не скрывает обиды, если случится новичку упу-

стить фашиста, и ободряет похвалой, если п
ля впивается в черное сердце врага.

Если вы познакомитесь с Гринько поближ
обязательно попросите его показать вам теку
щий счет. Он достанет из кармана изящну
книжечку с выгравированной на переплете па
рижской маркой, брезгливо перелистает пе
вые странички, мелко исписанные незнакомы
ми словами чужого языка. И во второй част
книжечки увидите вы столбики цифр, и да
около каждой цифры, и над столбиками —
большие, прямые, старательно выведенны
буквы:

«Текущий счет девушки по имени Галя (фа
милия неизвестна), повешенной фашистским
извергами в городе Пушкин. Открыт на Ле
нинградском фронте в январе 1942 года...»

Бастион

Мы идем по строгим, прямым ленинградски
проспектам. Зияет пробоина в наружной стен
дворца, созданного вдохновенным гением
Растрелли. Тяжелый фугас прошел сквозь пят
этажей массивного жилого дома — в одно
из этажей уцелела комната и торчит одинок
концертный рояль, другой засыпан песком
обломками обрушившейся крыши. Изуродова
снарядом розовый мрамор колонн елизаветин
ского особняка. Сняты кони Клодта с Аничко

ва моста. Чернеют выгоревшие ряды Перинной линии Гостиного двора.

Осколки стекла скрипят под ногами — час назад фашистский бронепоезд подошел к ближним подступам к городу и торопливо вслепую открыл беглый огонь...

Ночь с субботы на воскресенье 22 июня 1941 года, прозрачная, теплая белая петербургская ночь, воспетая Пушкиным. Неоновое пламя рекламы и веселый перезвон трамваев, нежная музыка Чайковского из раструбов радио...

Прекрасный, родной, счастливый Ленинград!

Пришел немец, фашист, гунн. Тупой, злобный, с квадратной челюстью, с пустыми, холодными, жестокими глазами. Обрушил на счастливый город тысячи и тысячи бомб, оставил без отцов, без матерей тысячи ребят, зажег пригороды, запалил старинные дворцы, музеи, хранившие величие русского искусства, дворцы, парки, усадьбы, любовно оберегавшиеся народом. Нагадил, напортил, надругался. Двинул на город лавины танков с драконами и свастикой, сотни тысяч человекоподобных марширующих болванов в касках, сеющих разорение, горе, нищету. Перерезал железнодорожные пути, по которым шли в Ленинград продовольствие и топливо, вышел к Неве, дошел до конечной остановки трамвая, обстрелял из минометов больницу Фореля...

А финское радио уже трезвонило об уличных боях, якобы идущих на линиях Васильев-

ского. И, что греха таить, многие и многие друзья страны нашей во всех уголках земного шара с болью в душе отсчитывали минуты до неминуемого падения Ленинграда, города Октября, города революции... Ведь Варшава пала, и Брюссель пал, и Амстердам, и Париж, и Белград, и Афины...

Нет!

Ленинград сказал это слово. Нет! Не будет здесь немец! Не будет!

И слово «нет» прогремело, как клятва, как присяга, как торжественный гимн.

Нет! Не пал Ленинград! Не затоптал, не поработил чужеземец гордый и непреклонный город на берегах Невы! Не сдали вольнолюбивые люди города Ленина. Выстояли, отстояли — кровью своей, нервами, мускулами, волей, нечеловеческим напряжением, нечеловеческими лишениями — отстояли!

С Литейного моста спускались бесконечные вооруженные отряды. Кто идет? Выборжцы идут! Двигались рабочие батальоны с Васильевского, из-за Невской заставы, с Петроградской стороны. С кораблей уходили на сушу любимцы города — балтийские моряки — биться за Ленинград, как деды их бились, и отцы, и старшие братья...

Провожали моряков на фронт ленинградцы, долго смотрели вслед уходящим литым черным шеренгам, верили — эти не сдадут, не уступят...

Так крепла оборона города. Так замедлялся натренированный прусский шаг фашистских армий — будто свинцовые гири нависли на ногах, будто под коваными сапогами не асфальт загородных шоссе, а вязкое, непроходимое болото. И счет шел уже не на десятки километров и не на километры даже — завоеванный метр почитался за огромную победу, хотя победа эта стоила жизни тысячам фрицев и гансов. А вскоре сводки штаба северной армии фон-Лееба не могли зарегистрировать продвижения даже на метр, даже на дюйм.

Встал немец. Думал—на день. Оказалось—на долгие времена. И чем больше всматривались сквозь цейссовские бинокли гитлеровские генералы в смутные контуры расстилавшегося невдалеке Ленинграда, тем большая тоска и смятение овладевали ими. Так близок и так бесконечно далек от них был этот странный и непонятный город.

Отстояли!

Летопись времен и народов знает немало блистательных защит крепостей и городов, немало осад, вошедших в историю.

Но какими словами описать оборону Ленинграда 1941—1942 годов, равной которой нет и не было в истории? Оборону города, где право на бессмертие завоевали люди переднего края и женщины с грудными детьми; гвардейцы Балтики и седовласые профессора Ленинградского университета, лопатами и кир-

ками, утопая в жидкой осенней грязи, рывш оборонительные рубежи в предместьях; домо хозяйки, сбрасывавшие с крыш десятки зажи гательных бомб; школьники, обезоруживавш матерых диверсантов; семнадцатилетние де вушки, ценою собственной жизни спасавш жизнь раненых бойцов на поле боя; «ремесл та» в отцовских рабочих передниках, встаю щие за станки оборонных заводов?

Это — ленинградцы.

Толстой писал о четвертом бастионе, где люди уже свыклись с беспрерывным свисто снарядов, где научились хладнокровно смот реть в глаза смерти.

Весь Ленинград за время блокады превра тился в такой четвертый бастион. Это не пре увеличение. На Невском рвались снаряды. Из ворот Кировского завода танки выходили прямо на фронт — в нескольких километрах от за вода. И кировцы спокойно ковали оружие для фронта, когда по заводу непрестанно били по левые пушки. А старый русский Ижорский за вод стал, по сути дела, передним краем оборо ны. В тревожную, полыхающую пожарищам ночь председатель Колпинского городского совета большевик Анисимов собрал ижорцев сказал им коротко:

— Кто слабый — пусть остается, сердиться не будем. Кто силен — бери оружие. Пришло для ижорцев суровое время.

И двинулись ижорцы. И остановили немца. И спасли завод.

А в цехах Ижорского завода экипажи боевых машин ждали, когда кончится ремонт, и прямо с завода вели обновленные машины на фронт.

Это — ленинградцы.

Навсегда останется в памяти предпраздничный вечер 6 ноября. Когда-то в этот вечер горели всеми огнями корабли на Неве, радостная иллюминация вспыхивала над гранитными берегами, на крепостных стенах Петропавловки горели громадные электрические лозунги...

6 ноября 1941 года по сумрачному, хмурому небу шарили прожекторы, затемненные корабли вели огонь по противнику, и весь город слышал, как тяжело ухали дальнобойные морские орудия. В настороженную тьму погружен был тогда предпраздничный Ленинград. С волнением думали ленинградцы — как Москва? Ведь это были дни, когда Гитлер сосредоточил гигантские силы на дальних подступах к Москве, рассчитывая любой ценой разделаться со столицей.

И вдруг, как в сказке, грозную тишину настороженного города прорезал знакомый голос. Говорит Москва, говорит Сталин. Слушай, осажденный Ленинград, говорит Сталин!

В Ленинграде слушали Сталина. В этот час в городе прозвучала сирена воздушной тревоги. Над городом появились вражеские само-

леты. Ударили зенитки. Где-то просвиста
бомба.

Но в этот раз радиотрансляция не обор
лась. Привычный для уха ленинградцев м
троном не отсчитывал тревожные секунды.

Ленинградцы слушали Сталина. Слуша
под грохот зениток, под вой бомб, освеща
мые дальним заревом пожарищ. И, казалос
голос Сталина прорезал ночь, озаряя ее ис
линским, сверхмощным лучом...

В грохоте оваций отзвучала речь вожд
Сталин сошел с трибуны. И бойцы Ленингра
ского фронта заняли свои места в окопах
блиндажах, и рабочие вернулись в цехи, раб
тавшие круглые сутки, и балтийские моря
встали на очередную вахту, охраняя подст
пы к городу Ленина. И в эту военную не
стную ночь особенно радостно бились серд
ленинградцев, и особенно сильно била мо
ская артиллерия по линиям врага, и стахановц
предприятий дали двойную норму прот
обычной...

И немецкий солдат Герман Фукс под зву
артиллерийской музыки писал своему брату:

«...Вчера и сегодня здесь, под Петербург
опять начался настоящий ад. Вчера мы ход
ли в атаку на гигантскую линию укрепле
Артиллерия стреляла целый день непрерыв
В сплошном огне нельзя было отличить
дельных выстрелов. Сейчас опять начинает
кромешный ад. В гавани Петербурга находи

ще один линкор и несколько крейсеров. Трудно себе представить, какие воронки образуют снаряды кораблей при разрыве. Один из них разорвался в 200 метрах от меня. Могу тебе сказать — я взлетел на два метра в воздух и рухнулся в сторону. Хочешь — верь, хочешь—не верь. Вся местность усеяна воронками от бомб и снарядов. Здесь валяется рука, там — нога, там — голова, у другого сразу несколько ран — вечная память о русских. Их нужно уничтожать железом, иначе мы ничего с ними не сделаем...»

Сначала эти убийцы жаловались, что им мешает взять Ленинград «линия Мажино», которая окружающая город. Потом стали сильно обижаться на морскую артиллерию, потом свалили все свои беды на мороз.

Да, мороз в этот год ударил особенно сильно. Выли метели, свистела пурга, термометр показывал 40. Тяжелая, беспощадная была зима. Но ведь и ленинградцам пришлось перенести эту зиму — и какая же это была беспримерно-героическая зима! В трубах замерзла вода, в домах не было света, из-за нехватки топлива остановились трамваи. Каждый грамм хлеба минимальной нормы, полагавшейся на человека осажденного города, был на дорогом счету... Какая это была тяжелая зима!

Дорого, очень дорого стоили каждому ленинградцу беспримерные месяцы блокады. Многие из нас не досчитались отцов, братьев,

сестер, детей, матерей. У многих потемнел
глубоко впали глаза, лоб прорезали морщинк
усталости, резче и жестче стали складки
рта.

Но сердца стали еще пламенней — горды
сердца ленинградцев. И ненависть к врагу ст
ла более острой, отточенной, как кинжал.
воля закалилась, и суровее стал взгляд,
тверже рука, упрямая, крепкая, упорная рук
ленинградцев...

Отстояли!

Долгие месяцы узкая полоска ладожског
льда соединяла город с Большой Землей,
любимой родиной. Но всегда ленинградц
чувствовали ее заботливую руку, и никогда н
было у людей нашего города ощущения отор
ванности, изолированности от страны, ее су
деб, ее борьбы.

— Чем тяжелее лишения, тем прекрасне
победа, — говорили когда-то солдаты арми
Вашингтона, дравшиеся за независимость
свободу Америки.

— Да, чем тяжелее лишения, тем прекрас
нее победа, — могут повторить ленинградцы.

Со́лнце сияет над городом. В белые ночи
дуют над заливом, над Балтикой теплые вет
ры с запада.

Мы снова идем по гордым, молчаливы
проспектам и думаем о близящемся часе гроз
ных сражений. И мы знаем — город готов
этому часу.

Есть города, имена которых давно переста-
ли быть простым географическим понятием,
большим или малым кружочком на карте ми-
ра. Мы говорим — Виши, и это значит — из-
мена. Мы говорим — Либице, и это значит —
слезы и ненависть Европы. Мы говорим —
Кельн, Эссен, Бремен, Росток, и это — воз-
мездие.

И знает отечество наше: Ленинград будет
стоять насмерть. Потому что мы говорим:
Ленинград, и это—стойкость. Потому что мы
говорим: Ленинград, и это—упорство. Потому
что мы говорим: Ленинград, и это бес-
смертие.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге, предложения по изданию сери „Фронтовая библиотека краснофлотца", а также оче ки, рассказы, стихи и песни Военно-Морское Изд тельство просит присылать по адресу: Москва 1 Антипьевский пер., д. 14, Военморизда т.

Редактор *Григ. Сорокин*

Подписано в печать 21/X 1942 г. ГМ31962. Печ. л. 2. Печ. зн. п. л. 42320. Уч.-авт. л. 1,86. Заказ № 1574.

Ф-ка юн. книги издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46.

60 коп.

14209

H-2020